

ОКСАНА АНАТОЛЬЕВНА ВОЛОШИНА

кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация)
oxanav2005@mail.ru

«СИСТЕМА ЭТИМОЛОГИИ» Ф. И. БУСЛАЕВА, ИЛИ О СРАВНЕНИИ РУССКИХ СЛОВ С САНСКРИТСКИМИ

В рамках критического анализа сочинения А. С. Хомякова о сопоставлении русских слов с санскритскими Ф. И. Буслаев четко формулирует принципы научного этимологического анализа, разработанные выдающимися компаративистами первой половины XIX века. На примере сочинения А. С. Хомякова Ф. И. Буслаев исследует причины появления ошибочных этимологий: отказ от учета исторической изменчивости слов, свободная трактовка звуковых соответствий, вольное использование графики одного языка для записи слов другого языка, произвольное членение слова на морфемы и выстраивание субъективных семантических связей между словами. Как убедительно показывает Буслаев, подобного рода ошибки лишают исследование научной ценности, уводя в сферу любительской лингвистики, получившей широкое распространение в наши дни. В статье анализируются причины появления подобного рода любительских этимологий, популярность которых возрастает. В этом смысле работа Буслаева звучит особенно актуально, так как важной задачей современной лингвистики оказывается разоблачение ошибочных поверхностных соответствий, на базе которых выстраиваются выводы культурологического, социального и даже политического характера.

Ключевые слова: принципы этимологического анализа, звуковые соответствия, морфемное членение слова, любительская лингвистика

В опубликованной в 1855 году рецензии на работу Алексея Степановича Хомякова «Сравнение русских слов с санскритскими» Федор Иванович Буслаев на основе критического анализа сопоставлений слов двух языков четко сформулировал принципы научного этимологического анализа¹. Немного ранее, в том же 1855 году, в журнале «Известия Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности» был опубликован своеобразный словарь, составленный известным религиозным мыслителем А. С. Хомяковым, – перечень русских слов (около 1000 единиц) с санскритскими параллелями. А. С. Хомяков не предложил четкой теоретической основы предпринятого сопоставления, однако заявил, что разрабатывает принципы новой этимологической науки, которая не должна основываться только на сходстве звуковой формы и семантики исследуемых слов, но, будучи наукой исторической, должна помочь исследователю воссоздать духовный мир говорящего на языке народа. Буслаев горячо поддержал такую постановку вопроса, ведь в выдающихся лингвистических сочинениях знаменитых ученых первой половины XIX века такая задача успешно решалась. Буслаев с восхищением говорит об образцовых работах Якоба Гримма², который,

не ограничиваясь исследованием букв, приставок, окончаний, стремится в изучении языка исследовать духовную жизнь самого народа; когда в слове видит не случайное сочетание звуков, сгруппированных по законам благозвучия, но живой отголосок ощущений, воззрений и нравственных, умственных или религиозных убеждений народа (Буслаев: 37)³.

В работе А. С. Хомякова Ф. И. Буслаев также отмечает любопытные

намеки на мифический быт славян в сравнении с бытом индусов, сближение языка русского с санскритским, направленное к уразумению внутренней, так сказать, физиологической связи между ними, состоящей в родстве не только звуков, но и самого духа, проникающего весь организм и того, и другого (Буслаев: 39).

Однако такие исследования должны, по убеждению Ф. И. Буслаева, опираться на научный метод анализа языкового материала, на внимание к тонкостям этимологического анализа, на учет всех достижений современной им лингвистической науки. Буслаев с сожалением убеждается, что пренебрежение к деталям мешает Хомякову достичь благородной цели

по недостатку лингвистических средств, по незнанию или несоблюдению лингвистических законов, на основании которых каждый язык составляет свой собственный организм звуков (Буслаев: 37).

Он критикует пренебрежение к методике исторической реконструкции, страстное желание подчинить санскрит русскому языку и вывести санскритские формы из русских. Закладывая основы будущих сопоставительных исследований, Буслаев четко формулирует принципы этимологического анализа слов, основанные на достижениях сравнительно-исторического языкознания середины XIX века.

Во-первых, критике подвергается **выбор языков**, ведь А. С. Хомяков сопоставляет русский и санскрит, то есть современный славянский язык и древнейший индоевропейский. Очевидно, что в сопоставительных исследованиях выбор сравниваемых языков должен иметь разумное объяснение, автор выбирает языки, сравнение которых могло бы обогатить науку новыми фактами доказательства языкового развития и языкового родства. В данном случае, как говорит сам Буслаев, родство русского с санскритом к середине XIX века было уже признанным фактом и в доказательстве не нуждалось. Может быть, сравнение русского с санскритом поможет пролить свет на некоторые моменты исторического развития выбранных языков? Известно, что еще А. Х. Востоков отставал не только возможность, но и необходимость привлечения для компаративистских исследований материала современных языков (в частности, сам Востоков благодаря сопоставлению старославянского языка с современным польским языком «разгадал» тайну юсов – особых букв кириллической письменности)⁴. Однако Востоков предлагал прибегать к современным языкам и диалектам только тогда, когда факты современных языков оказываются особенно архаичными и подтверждают гипотезы, сформулированные на материале древних языков, а не противоречат фактам. Сравнение древнейшего языка с языком современным без учета изменений языка во времени возвращает лингвистику середины XIX столетия почти на полвека назад, лишая компаративистику исторической перспективы. Современникам Буслаева и Хомякова было хорошо известно, что сравнивать языки, принадлежащие к разным историческим слоям, ошибочно. Попытка компаративного исследования русского, хинди и английского языков мало даст компаративистике (если вообще что-то даст), тогда как сопоставление старославянского, санскрита и готского (или англосаксонского) раскроет широкую перспективу диахронического развития родственных языков. Кроме того, каждый язык сохранил в своем строе ограниченное количество архаичных черт, поэтому сопоставление **разных** родственных языков и диалектов поможет восстановить полную картину древнейшего языкового состояния. Ф. И. Буслаев пишет:

Сравнение с санскритом языка только русского единственно тогда будет ясно, определенно и законно, когда каждое русское слово будет возведено к первоначальной, правильнейшей этимологической форме. Для определения этой правильной формы служат пособием все прочие славянские наречия и преимущественно язык церковнославянский в памятниках древнейшей редакции (Буслаев: 39).

А. С. Хомяков, таким образом, избрал для своих исследований путь чисто сравнительный, пренебрегая **историческим методом**, так блестяще разработанным Якобом Гриммом. Буслаев настаивает на необходимости учета факта исторической изменчивости любого языка при сопоставлении языков (особенно при сравнении древних языков с современными).

Многие формы русского языка значительно изменились и даже исказились против первоначального их вида, в наибольшей сохранности удержанного в древнейшей церковнославянской письменности, то, само собой разумеется, с такими искаженными формами нельзя сравнивать первоначальные формы какого-либо другого из коренных индоевропейских языков (Буслаев: 41).

Во-вторых, А. С. Хомяков передает санскритские слова русскими буквами с использованием нескольких диакритических значков, что приводит к большому количеству искажений санскритских слов, ведь особенности звучания слов древнеиндийского языка, отраженные в системе деванагари, теряются при использовании кириллицы. Объясняя избранный способ записи слов, сам Хомяков ссылается на словарь К. А. Коссовича, в котором такая система обозначений используется. Однако в словаре Коссовича, отрывок из которого был напечатан в том же томе журнала (стр. 354–384)⁵, санскритские слова приводятся шрифтом деванагари и только потом дублируются транслитерацией кириллическим шрифтом с упомянутыми диакритиками, очевидно, что в словаре Коссовича использование шрифта деванагари исключает ошибки в восприятии санскритских слов. Запись санскритских слов русскими буквами приводит к большому количеству ошибок. Кроме того, русские слова, как уже было сказано, не возвращаются последовательно к старославянским; автор не опирается на древнейшую кириллическую письменность при исследовании исторической изменчивости русских слов, в результате чего также возникают ошибки.

В частности, автор не придает никакого значения носовым звукам, которые в древнейшей славянской письменности передавались особыми буквами – юсами. Чередования носовых гласных звуков с сочетаниями гласного с согласным – общая древнейшая черта индоевропейских языков, отразившаяся и в старославянском, и в санскрите.

Следы исчезнувших носовых сохранились как в самих славянских языках, так и в древнейших индоевропейских языках, в том числе и в санскрите. Например, носовой звук *e* (обозначающийся в старославянском буквой юс малый – **ѧ**) был в старославянском **десѧть**, которое после утраты носового превратилось в **десѧть**. Сравнивая русское слово **десѧть** с санскритским **dasan** (*dasan*)⁶, Хомяков ищет в санскрите ближайшую к русской форме и находит ее в предполагаемом **dasat** (*dasat*). Буслаев пишет:

Но что же из того? Эта форма дальше от нашей, нежели **dasan**, потому что в нашей удержано носовое произношение (разумеется, по древнейшей письменности) (Буслаев: 42).

Не обращая никакого внимания на носовой звук в старославянском языке, Хомяков соотносит русское слово **мясо** (с носовым в старославянском – **млaco**) со словом **масло** (с простым гласным **a** – **масло**), слова **блюду** и **мудрый**, тогда как в слове **блюду** – **у** простой (б л ю с т и), а в слове **мудрый** – носовой (**мждръ**), о чем свидетельствует древнейшая письменность (Хомяков: 386)⁷.

Отвергая принципы научной этимологии, Хомяков предлагает несколько равно возможных этимологий для одного и того же слова:

Русское слово **клясть** г. Хомяков сближает с санскритским **клес** (*kleś* – говорить, огорчать), забыв, что русская форма – позднейшее, неограниченное видоизменение древнейшей **клять** (с носовым **ѧ**), откуда, с разложением **я** на **ын**: **кльнетъ**, наше **кленеть** (или **киянетъ**). Наше неопределенное наклонение происходит уже от отлагольной формы **клятъ**, откуда с изменением **т** на **с**: **клясти** или **клясть**; корень же этого слова есть **кля** (с носовым звуком – **ѧ**) или **кльн** (с разложением носового **ѧ** на **ын**). Чтобы еще более ввести читателя в недоумение, автор разбираемой нами статьи, кроме санскритского **клес**, приводит еще другое санскритское слово **клид**, имеющее при себе и носовую форму **клинд** (*klind* – сестовать, плакать) (Буслаев: 43).

Согласные звуки также для Хомякова не представляют никакой проблемы, он произвольно сопоставляет похожие русские и санскритские звуки, не обращая внимания на различное их происхождение. Например, русское **мочь** он сближает с санскритским **мач** (*māh* – быть высоким, сильным). Однако сходство здесь случайное, ведь русскому **мочь** соответствует в церковнославянском **моиши** или **мощи**, в чешском **моць** и т. п., а корень этих слов – **мог** (откуда **мог-у**). Изменения же звуков не случайны, но зависят от «организма конкретного наречия» (Буслаев: 43–44).

В-третьих, важным принципом этимологического анализа был сформулированный в первой

половине XIX века **морфемный анализ** и по-морфемное сопоставление сравниваемых слов. А. С. Хомяков также пытается использовать этот принцип в своей работе, предлагая, однако, произвольное членение слова на морфемы. Например, в слове **клевета** он предлагает выделить корень **вѣт**, сближая со словами **навѣт**, **завѣт** и т. п., причем предлагаемый корень у Хомякова имеет огласовку с гласным ять (**ѣ**), хотя в рукописях слово **клевета** ни разу не встречается с **ѣ**. Хомяков делит слово клевета на **кlevѣt-a** и производит сегмент **кле-** от **клясть**, сближая с санскритским **клес** (*kleś* – говорить). Однако в лингвистической литературе для этого слова принято другое морфемное членение: в корне слове Ф. Миклошича слово **клевета** предложено разлагать на **кlev-** (**клю-**) и **-ета** (суета, нищета и т. п.)⁸. Хомяков не спорит с ранее предложенным морфемным членением, не опровергает мнение предшественников, совершенно игнорируя принятые в науке этимологии (Хомяков: 398–399).

Произвольное членение слова на части (морфемы или слоги) приводит автора к совершенно фантастическим этимологиям. Вот что пишет А. С. Хомяков о сопоставлении русского слова **ночь** и санскритского **nakta**:

Настоящая же этимология указывает на коренную идею **ока** в смысле органа зрения и самого зрения. Русские называют **ночь** временем невидящим. Рус. **н-очь**; лат. **n-oc-s**; санскрит **н-акта** (от **акши**), все представляют идею зрения с отрицательным **н**, которого древность тем самым доказывается. Древнейшая форма санскритская была **накша**, а не **накта**: **звезда – накшатра** (от **накша** ночь и **трак**ходить или **trā** – охранять; ночеходная и ночехранительная). Этому слову дают санскритские лексикографы три разные этимологии, из которых ни одна никуда не годится (Хомяков: 407).

Очевидно, Хомяков критикует произвольные этимологии индийских грамматистов (представленные, например, в этимологическом трактате Нирукта древнеиндийского грамматиста Яски), однако сам также произвольно членит слово и сопоставляет части слов, выстраивая причудливые семантические связи.

Иногда А. С. Хомяков приводит верные соотношения санскритских и русских слов (явные параллели в санскрите находятся для русских слов **десѧть**, **зима**, **матъ**, **небо**, **день**, **дуть** и др.), но эти соответствия, основанные на строгих звуковых законах, уже давно приняты лингвистикой. Когда же Хомяков приводит собственные схождения, то читатель встречает

рядом с совершенно правильными сближениями Ф. Боппа, какие-то мечтательные и бессознательные гадания, шатко зыбающиеся на самом случайном созвукии (Буслаев: 50).

Выводы Хомякова о живой связи двух языков на каждом шагу противоречат скучной, сухой, безжизненной, но все-таки основательной и разумной анатомии языка. Буслаев уверен, что в науке техническая часть имеет огромное значение:

Кто хочет стать выше всех мелочей науки, тот должен победить их изучением; в противном случае, эти мнимые мелочи всегда будут камнями преткновения для возвышенных общих возврений. Нельзя спокойно созерцать небо, когда спотыкаешься, идя по земле! (Буслаев: 45).

Ф. И. Буслаев отмечает в работе Хомякова стандартные ошибки, свойственные всем лингвистам-любителям. Это опора на случайное фонетическое сходство слов разных языков при полном невнимании к лингвистическим законам, согласно которым происходят регулярные изменения звуков языка в определенных условиях в конкретный исторический период. Многие законы изменения звуков в родственных языках уже были сформулированы к середине XIX века (например, закон первого германского передвижения согласных Я. Гrimма), однако авторы-любители или не знакомы с подобными законами, или не умеют ими пользоваться при установлении собственных этимологий. Кроме того, как уже было сказано, лингвисты-любители не учитывают исторического изменения сопоставляемых языков, устанавливаемого при помощи регулярных соответствий звуков, морфем и лексем сравниваемых языков. Часто автор подобных сопоставлений разных языков не отличает исконные слова от заимствований, приводит несколько этимологий для одного слова, «тем самым выражает свое колебание во мнениях, происходящее от недостатка убеждения в истине того, а чем он говорит» (Буслаев: 56). Однако множественные этимологии, предлагаемые лингвистами-любителями, могут объясняться не столько сомнением, сколько слабой доказательной базой всех предлагаемых соответствий, из-за чего авторам трудно предпочтеть один вариант другому.

Как известно, любительская этимология, в основе которой лежит попытка выявления семантической связи разных слов на основе сходства их звучания, всегда привлекала внимание людей. Лингвистам этот феномен хорошо известен под названием «народная этимология». В конце XIX века Николай Крушинский утверждал, что народная этимология – универсальный, то есть наблюдаемый во всех языках, процесс, основанный на аналогии, на «приурочении» непонятного или малопонятного слова к известному корню, в результате чего

человек пытается образовать для непонятного или малопонятного слова новые фонетические и/или семантические связи. Крушинский замечает: «...случаев “народной этимологии” в словах, морфологический состав которых способен чувствовать, гораздо меньше» [2: 204], поэтому при осмысливании слова с точки зрения народной этимологии лингвист-любитель предлагает неверное морфемное членение слова. Выделение в слове новых морфем, слогов или других сегментов основывается на способности носителей языка соотнести выделенную часть по звучанию и значению с хорошо известным словом. Особенно часто с позиций народной этимологии переосмысливаются слова иностранного языка, поскольку они не выстраиваются в сознании говорящего в фонетические, морфемные и семантические ряды, эти связи нужно искусственно создать, пытаясь «прочитать» иностранные слова по-русски, то есть с опорой на звуки, морфемы и слова русского языка.

Народная этимология пытается объяснить не только малознакомые слова, но выстраивает семантические связи и для общеупотребительных слов (например, *спина* называется так якобы потому, что на ней удобно спать – *спи-на (спине)*). Подобные связи очень активны в сознании носителей языка, они регулярно образуются в самых разных комбинациях, что подтверждается популярностью публикуемого в 1972 году в «Литературной газете» шутливого «Этимологического словаря», согласно которому *нудист* толковался как *скучный докладчик, свищ – автоинспектор* и т. п. Интерес к такому «этимологизированию» объясняется стремлением людей

семантически сблизить изначально не связанные, но сходные по форме лексемы, создать новые, вторичные мотивационные отношения [3: 83].

Носитель языка интуитивно старается объединить слова в семантические группы, выстроить для слов новые связи, благодаря чему появляется новое осмысливание старых понятий, создается своеобразная наивная языковая картина мира.

Более 150 лет прошло со времени выхода работы Ф. И. Буслаева, но его слова звучат удивительно современно, он говорит о той же «любительской лингвистике», которую обличал в начале XXI века Андрей Анатольевич Зализняк. Лингвисты-любители, не обращая никакого внимания на историческое развитие языков, предлагают читать древние санскритские или этрусские тексты «по-русски», пытаясь выявить в древних словах отголоски хорошо знакомых им русских слов. А. А. Зализняк пишет:

...человек нередко переосмыслияет непонятное слово (например, иностранное), «подправляя» его так, что в нем начинают звучать понятные ему морфемы и тем самым слово приобретает для него (хотя бы частично) некоторую внутреннюю мотивированность [1: 30].

Санскрит особенно привлекает внимание лингвистов-любителей, так как отыскание истинно арийских корней собственной нации посредством обнаружения языковых параллелей остается любимым развлечением авторов подобных сочинений. Профессиональные лингвисты никогда не вступают в полемику, для них очевиден произвол подобных сопоставлений, поэтому опровергать нелепые фантазии и доказывать очевидную истину не возникает желания. Редкими исключениями подобного рода являются рецензия Буслаева, критикующего сравнительный словарь А. С. Хомякова за пренебрежение к точному научному методу лингвистического анализа. Или работа А. А. Зализняка, вызванная, вероятно, широким распространением в наши дни этимологических изысканий некоторых лингвистов-любителей в средствах массовой информации.

Игнорируя разработанные лингвистические методы этимологического анализа, лингвисты-любители основываются лишь на фонетическом сходстве сравниваемых слов. А. А. Зализняк отмечает:

Созвучия слов обладают могучей силой эмоционального и эстетического воздействия. Это один из строевых элементов поэзии. Если два слова по звучанию похожи, значит, между ними должна быть какая-то связь – это наивно-поэтическое ощущение бывает у каждого ребенка, а многие сохраняют его и во взрослом возрасте [1: 73].

Опираясь лишь на внешнее сходство слов, А. С. Хомяков пытается установить семантическую параллель между словами Индра и вёдро: «предполагаю отзвук имени *Индра* в нашем *вёдро*», ведь Индра – имя божества неба (Хомяков: 388). Совершенно в духе Хомякова современные любители обнаружения этимологических связей предлагают трактовать слова *радуга* (*ра-дуга*) как лук (оружие) древнеегипетского бога солнца *Ra*, *радость* (*ра-дость*) как *достать* бога солнца *Ra*, в результате чего можно обрести *радость* и т. п. Пространство Интернета позволяет авторам подобных сопоставлений знакомить широкую публику со своими совершенно произвольными соответствиями, основанными на фантазии автора, а не на методах сравнительно-исторического анализа, не на лингвистических законах, выведенных из закономерностей развития родственных языков и т. п. Эта своеобразная наивная этимология с сочущствием восприни-

мается слушателями и читателями. Многочисленные сопоставительные словари русского и санскрита пестрят диковинными схождениями. Например, санскритское слово *карма* оказывается сближенным с русским словом *карман*, ведь *карма* – то, что вы приобрели, заработали...

Теоретическая база подобных соответствий весьма туманна (если вообще существует) – авторы утверждают, например, что

линейно-формальные приемы так называемого «академического» сравнительного языкознания здесь если и сработают, то только на начальном этапе, на периферийном уровне. Если же мы хотим раскопать настояще сокровище, мы должны будем докапываться до значительно более глубоких языковых пластов, соприкасающихся уже не столько с поверхностным сознанием, сколько с подсознанием, с тем, что скрыто глубоко под землей слов и понятий, под грудой терминов, эпитетов и определений [4].

Любопытно, что цитируемая работа называется «О связи санскрита и русского языка. Древний санскрит – это русский язык». Подобные псевдолингвистические опусы претендуют на обнаружение новых фантастических языковых связей и новых путей исторического развития языков, в результате чего молодые современные языки провозглашаются древнейшими прайзаками человечества. Буслаев отмечал, что и Хомяков

многими сближениями довольно ясно выразил желание подчинить санскритский язык русскому (Буслаев: 52).

Достижения лингвистической науки XIX века позволили языкоzнанию обособиться от филологии и превратиться благодаря новым методам работы с языковым материалом в передовую науку. Представители наук антропоцентрического цикла отныне не могут проводить лингвистические исследования без учета достижений современного языкознания, опора исключительно на интуицию и фантазию автора неизбежно приведет лингвистов-любителей к грубым ошибкам. Даже такой выдающийся философ, религиозный мыслитель, как А. С. Хомяков, попал в плен заманчивых фонетических и семантических соответствий, что лишило его работу по сопоставлению русских слов с санскритскими научной ценности. Пренебрежение достижениями современной лингвистической науки, невнимание к языковым фактам и стремление утвердить пре-восходство одного языка над другими путем домыслов и фантастических реконструкций – вот отличительные черты лженнауки, против которой выступал еще в середине XIX века отечественный ученый – филолог и языковед Федор Иванович Буслаев.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Впервые рецензия была опубликована в периодическом издании «Отечественные записки». Т. 102. № 9. Отд. IV. СПб., 1855. С. 36–57.
- ² Grimm. *J. Deutsche Grammatik*. Bd. 1. Göttingen, 1822.
- ³ Буслаев Ф. И. «Сравнение русских слов с санскритскими» А. С. Хомякова // *Отечественные записки*. Т. 102. № 9. Отд. IV. СПб., 1855. С. 36–57. Цитируется в круглых скобках с указанием страницы.
- ⁴ Остромирово Евангелие 1056–57 года с приложением греческого текста евангелий и с грамматическими объяснениями,данное А. Востоковым. СПб., 1845.
- ⁵ Коссович К. А. Санскрито-русский словарь // *Известия Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности*. Т. 4. Вып. 3. СПб., 1855. С. 354–384.
- ⁶ В нашей работе мы оставляем авторскую транслитерацию санскритских слов русскими буквами, используемую в работе Хомякова, но в скобках помещаем латинскую транслитерацию санскритских слов.
- ⁷ Хомяков А. С. Сравнение русских слов с санскритскими // *Известия Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности*. Т. 4. Вып. 3. СПб., 1855. С. 385–429. Цитируется в круглых скобках с указанием страницы.
- ⁸ Miklosich F. *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen*. Wien, 1886.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зализняк А. А. Из заметок о любительской лингвистике. М., 2010. 243 с.
2. Крушинский Н. В. Очерк науки о языке // Избранные работы по языкоznанию. М.: Наследие, 1998. С. 96–222.
3. Норман Б. Ю. Грамматика говорящего. От замысла к высказыванию. Изд. 2-е. М.: УРСС, 2011. 232 с.
4. О связи санскрита и русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sputnikbig.ru/mezhdunarodnoe-obozrenie/item/6930-o-svyazi-sanskrita-i-russkogo-yazyka-drevnij-sanskrit-eto-russkij-yazyk> (дата обращения 20.04.2018).

Voloshina O. A., Moscow State University (Moscow, Russian Federation)

**“A SYSTEM OF ETYMOLOGY” BY F. I. BUSLAEV OR ON THE COMPARISON
OF RUSSIAN WORDS WITH SANSKRIT**

The present article deals with the critical analysis of works by A. S. Chomyakov on the comparison of Russian words with Sanskrit, in which F. I. Buslaev formulates the principles of scientific etymological analysis. This scientific method was developed in the works of famous linguists in the first half of the nineteenth century. On the example of the works by A. S. Chomyakov, F. I. Buslaev examines the causes of erroneous etymologies: the rejection of the study of historical variability of languages, the wrong interpretation of sound and semantic correspondences, the false morphological analysis of the words and the construction of wrong semantic relations between words. As F. I. Buslaev shows that such errors deprive the research of its scientific value and lead to the sphere of unprofessional linguistics, which has become wide spread in our days.

Key words: principles of etymological analysis, sound correspondences, morphemic word membership, unprofessional linguistics

REFERENCES

1. Zaliznyak A. A. From the notes on amateur linguistics. Moscow, 2010. 243 p. (In Russ.)
2. Krushevskij N. V. Essay on the science of the language. *Izbrannye raboty po yazykoznaniyu*. Moscow, Nasledie Publ., 1998. P. 96–222. (In Russ.)
3. Norman B. Yu. Grammar of the speaker. From design to utterance. Moscow, URSS Publ., 2011. 232 p. (In Russ.)
4. On the connection of Sanskrit and the Russian language. Available at: <http://sputnikbig.ru/mezhdunarodnoe-obozrenie/item/6930-o-svyazi-sanskrita-i-russkogo-yazyka-drevnij-sanskrit-eto-russkij-yazyk> (accessed 20.04.2018) (In Russ.)

Поступила в редакцию 08.05.2018